

**Стендаль Фредерик**

**Итальянские хроники: Витториа  
Аккорамбони. Ченчи. Герцогиня  
Пальяно. Ванина Ванини. Сан-  
Франческо-а-Рипа**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3  
ББК 84-4  
Ф86

Ф86 **Фредерик С.**  
Итальянские хроники: Виттория Аккорамбони. Ченчи. Герцогиня Пальяно. Ванина Ванини. Сан-Франческо-а-Рипа / Стендаль Фредерик – М.: Книга по Требованию, 2026. – 156 с.

**ISBN 978-5-519-75426-2**

**ISBN 978-5-519-75426-2**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2026  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



## СТЕНДАЛЬ (Генрихъ Бейль).

---

Мало найдется въ исторіи европейскихъ литературъ писателей, которые-бы испытали болѣе странную судьбу, чѣмъ Генрихъ Бейль. При жизни онъ мало былъ замѣченъ, даже во Франціи, гдѣ репутаціи создаются такъ быстро. За исключеніемъ трехъ-четырехъ крупныхъ умовъ,—Гете, лорда Байрона, Кювье, Бальзака, которые во время угадали необыкновенную силу ума подъ маской проническаго скептицизма Бейля,—остальная образованная публика тогдашней Европы видѣла въ немъ только остроумнаго памфлетиста, бойкаго борца въ пользу романтизма, скучнаго рассказчика, умнаго человѣка, любившаго морочить публику парадоксами, страстнаго поклонника философіи XVIII столѣтія, недоѣдавнаго своей строгой логикой въ то время, когда вся Европа искала умственаго отдыха въ невпущныхъ упражненіяхъ иѣмецкой трансцендентальной философіи. Генрихъ Бейль стоялъ въ сторонѣ отъ умственаго настроя тогдашней Европы и потому нисколько не заботился о собственной репутаціи; съ добродушной улыбкой онъ говаривалъ, что будетъ очень доволенъ, если найдетъ себя человѣкъ двадцать читателей. Безъ особеннаго проувеличенія можно сказать, что при жизни онъ едва-ли имѣлъ ихъ болѣе, но это обстоятельство его нисколько не смущало... Смерть его въ 1842 г.

была такъ-же мало замѣчена, какъ и его литературная дѣятельность. Вокругъ его могилы образовалась на долгое время мертвая тишина. Струя тогдашней мысли, очевидно, шла въ разрѣзъ съ философскимъ направленіемъ Бейля, а такъ какъ онъ въ области мысли не дѣлалъ никакихъ уступокъ, то и остался одинъ, проповѣдуя гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Но и кромѣ этой розни съ господствующими стремленіями своей эпохи, существуютъ и другія причины непопулярности Бейля. Это—писатель не для толпы; онъ всегда пренебрегалъ тѣми техническими приемами, которые для большинства замѣняютъ содержаніе. Его слогъ, лишенный всякой внѣшней красоты, простой и точный, въ концѣ концовъ, утомителенъ для человѣка, ищущаго въ чтеніи одного лишь удовольствія; онъ дѣйствуетъ не на воображеніе, а на мысль, и такъ какъ мало находится читателей, которые, строгой выправкой ума, научались мыслить, то въ большинствѣ случаевъ, не смотря на необыкновенную ясность выраженія своихъ идей, онъ кажется скучнымъ и неинтереснымъ. Только съ 1854 года, когда вышло полное собраніе его сочиненій, Бейля стали читать и убѣдились, что этотъ забытый писатель принадлежитъ къ величайшимъ умамъ XIX столѣтія. Во время реставраціи идеи Бейля были, дѣйствительно, парадоксами, потому что не отвѣчали степени научныхъ знаній массы. Въ настоящую-же минуту Европа способна его понимать, она развилась до умственного уровня Бейля.

Бейль родился въ Греноблѣ въ 1783 году; ему было, следовательно, около шести лѣтъ, когда началась великая революція. На шестнадцатомъ году онъ поступилъ въ центральную школу, основанную Конвентомъ, по плану извѣстнаго Дестю де-Траси. Этотъ извѣстный ученый былъ, если можно такъ выразиться, умственнымъ отцомъ Генриха Бейля. Бейль до самой смерти говорилъ о Траси въ самомъ восторженномъ тонѣ. Благодаря его вліянію, Бейль еще въ ранней юности основательно изучалъ писателей XVIII столѣтія и, въ концѣ концовъ, перешелъ на сторону ученія Кондильяка, Кабаниса и Траси,—того ученія, которое извѣстно подъ именемъ идеологій. По странному стеченію обстоятельствъ, этотъ яркій защитникъ романтизма былъ въ то-же время самымъ рѣзкимъ и неумоли-

мымъ противникомъ католическаго возрожденія школы Шатобріана и спиритуалистическихъ усилій г-жи Сталь. Основательное и продолжительное изученіе математики въ центральной школѣ значительно облегчило ему знакомство съ знаменитымъ сочиненіемъ Кондильяка: «Langue des calculs», а чрезвычайно подвижное воображеніе позволило ему внести въ идеологию живой и блестящій элементъ.

Послѣ 18-го брюмера, благодаря своему родственнику, графу Дарю, Бейль отправился въ Италію и, въ качествѣ зрителя, присутствовалъ на сраженіи при Маренго. Вскорѣ онъ поступилъ въ полковую армію, какъ *maîtrechal des logis*, но послѣ заключенія трактата при Кампо-Форміо, вышелъ въ отставку. Во время своего пребыванія въ Ломбардіи, Миланѣ, Брешии, Бергамо, среди ужасовъ войны, онъ довершалъ свое образованіе и окончательно сформировался умственно и нравственно. Юношеская шаткость мысли приняла опредѣленную форму вполне законченнаго и цѣльнаго ученія; его мнѣнія относительно искусства, природы, политики, окончательно установились. Италія произвела на него обаятельное впечатлѣніе и сдѣлалась для него второю родиною. Это первое впечатлѣніе во всей своей юношеской прелести выразилось въ его романѣ: «Chartreuse de Parme», которое вполне обрисовываетъ умственную фязіономію Бейля.

Хотя у Бейля не было никакого состоянія, но все-таки, не желая терять своей независимости, онъ не заботился о своемъ положеніи. Послѣ кратковременнаго пребыванія въ арміи Наполеона, онъ отправился въ Парижъ съ цѣлью заняться литературой, но, не желая разстаться съ актрисой, въ которую влюбился, взялъ мѣсто прикащика въ магазинѣ колониальныхъ товаровъ и уѣхалъ въ Марсель. Въ Парижѣ онъ занимался живописью въ мастерской Реньо, такъ что двадцати одного года онъ уже былъ военнымъ, художникомъ, чиновникомъ въ Миланѣ, писателемъ въ Парижѣ, адъютантомъ въ Италіи и прикащикомъ въ Марсели. Вскорѣ онъ снова вступаетъ въ великую армію и участвуетъ въ кампаніи 1812 г. Онъ любилъ говорить объ этой кампаніи, но его рассказы несколько не напоминали оффиціальныхъ отчетовъ французскаго правительства. Войну онъ наблюдалъ съ любопытствомъ и со-

вершено хладнокровно; не поэтическая и грандіозная сторона войны занимала его, а смѣшная и нелѣпая. Просперъ Мериmé говоритъ, что трудно сообразить, какого мнѣнія онъ былъ о Наполеонѣ. Правда, что ни въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ не высказывается прямо объ этомъ предметѣ, но изъ всѣхъ отрывочныхъ фразъ, встрѣчающихся часто у него, легко заключить, что Бейль чрезвычайно высоко ставилъ военный гонимъ Наполеона, но не любилъ его за его деспотическія дѣйствія и наклонности. Во время имперіи, Бейль привыкъ окружать себя тайнственностью въ самыхъ обыкновенныхъ обстоятельствахъ жизни, желая избѣжать непрощеннаго вниманія полиціи; полиція первой имперіи всюду проникала, все шпионила и Фурье зналъ все, что говорилось въ парижскихъ либеральныхъ кружкахъ. Бейль былъ убѣжденъ, что и реставрація сохранила привычку этого всеобщаго подслушиванія... Всѣ его друзья имѣли условныя названія, никогда онъ не называлъ ихъ настоящими именами; никто не зналъ въ точности, съ кѣмъ онъ видится, что пишетъ, куда отправляется. Письма свои онъ подписывалъ различными фантастическими фамиліями. Вслѣдствіе этой укоровившейся привычки онъ и въ печати не выступалъ съ своей настоящей фамиліей, но всегда подъ маской псевдонима: по большей части онъ подписывался: Фредерикъ Стендаль (Stendhal) и этотъ псевдонимъ сдѣлался его настоящимъ литературнымъ именемъ. Steindhal—маленькій городокъ въ Саксоніи, въ которомъ родился Вянкельманъ. Предпринимая свое описаніе сокровищъ искусствъ въ Италіи, Бейль, вѣроятно, вспомнилъ это названіе и воспользовался имъ.

Желая скорѣе поселиться въ Италіи, Бейль послѣ революціи 1830 г. выхлопоталъ себѣ мѣсто консула въ Триестѣ, но не могъ имъ воспользоваться; Меттернихъ не согласился на это назначеніе, вспомнивъ, что въ 1819 г. въ Миланѣ, Бейль прослылъ карбонаріемъ. Поэтому онъ принужденъ былъ принять мѣсто консула въ Чивитта-Веккиа, гдѣ и оставался до самой смерти. Онъ умеръ въ 1842 г. отъ апоплексическаго удара на улицѣ, въ Парижѣ, куда пріѣхалъ для свиданія съ родными. Онъ былъ похороненъ на Монтмартрскомъ кладбищѣ и, вслѣдствіе его воли, категорически выраженной въ завѣщаніи, на памятникѣ была вырѣзана слѣдующая надпись по-итальянски:

«Генрихъ Бейль, миланецъ, писалъ, любилъ, жилъ 59 лѣтъ и два мѣсяца; умеръ 22-го марта 1842 года». Въ 1840 г. во время перваго министерства Тьера, возникъ извѣстный восточный вопросъ по поводу дамасскихъ событій... Министерство держало себя въ этомъ вопросѣ самымъ постыднымъ образомъ, защищая консула, который поступалъ варварски съ евреями. Тогда-то именно Бейль объявилъ публично, что отказывается отъ французской національности и своею собственною властью, сохраняя мѣсто консула, натурализовался итальянцемъ. Это дѣло въ свое время надѣлало много шума, крайне непріятнаго министерству. Дискредитированное въ восточномъ вопросѣ, оно не хотѣло вызвать еще большаго неудовольствія и Генрихъ Бейль остался консуломъ...

Бальзакъ, какъ извѣстно, подраздѣлялъ современную ему литературу на три школы, болѣе или менѣе рѣзко выдѣлявшіяся въ умственномъ движеніи Европы тридцатыхъ годовъ: образную, идейную, эклектическую. Если рациональность подобнаго подраздѣленія можетъ быть подвержена нѣкоторому сомнѣнію въ настоящее время, то, во всякомъ случаѣ, такая классификація имѣетъ ту заслугу, что ясно разграничиваетъ въ художественномъ отношеніи главные литературныя направленія, возникшія подъ вліяніемъ романтизма, который въ началѣ XIX столѣтія въ умственномъ движеніи былъ тѣмъ, чѣмъ была первая французская революція въ соціально-политическомъ движеніи. Но эта классификація имѣетъ, кромѣ того, и другое достоинство: она исторически опредѣляетъ происхожденіе каждой изъ названныхъ школъ и осязательно намѣчаетъ тотъ философскій источникъ, который питалъ эти школы. Безъ всякаго сомнѣнія, подобно тому какъ литературный эклектизмъ былъ продуктомъ французскаго спиритуализма и нѣмецкаго идеализма, такъ идейная литература была результатомъ возродившагося сенсуализма на почвѣ новейшей науки. Психическій анализъ сдѣлался главнымъ предметомъ литературнаго произведенія, но для двухъ послѣднихъ школъ этому анализу предшествовала извѣстная философская

подкладка, между тѣмъ, какъ для первой, — образной литературы, — онъ выражался только въ художественномъ воспроизведеніи даннаго типа или даннаго характера. И если Бальзакъ, какъ художникъ, есть величайшій представитель литературнаго эклектизма, то Генрихъ Бейль, какъ психологъ, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ идейной литературѣ.

По странному стеченію обстоятельствъ, Стендаль только въ послѣдніе годы сталъ проникать въ Россію болѣе, чѣмъ черезъ тридцать лѣтъ послѣ своей смерти. Но и теперь еще онъ крайне мало извѣстенъ у насъ; въ 1873 году въ «Отечественныхъ Запискахъ» появился сокращенный переводъ его романа «Rouge et Noir», а въ 1874 году въ «Дѣлѣ» была помѣщена статья объ немъ («Генрихъ Бейль», — В. Чуйко). Подобная-же судьба постигла его и во Франціи; тамъ только черезъ десять лѣтъ послѣ его смерти новое поколѣніе возвращается къ нему, принимается изучать его, почти какъ классика, и вокругъ его имени образуется пѣято въ родѣ возрожденія, тѣмъ болѣе важнаго, что идеи Стендаля возбуждаютъ не только историческій интересъ, но также замѣтно вліяютъ на современную литературу. Во Франціи, гдѣ всякая литературная заслуга вознаграждается болѣе или менѣе прочною извѣстностью, такое стеченіе обстоятельствъ можетъ быть объяснено особенно исключительнымъ положеніемъ, занятымъ Стендалемъ въ современномъ ему умственномъ движеніи: въ самомъ разгарѣ нѣмецкаго идеализма и французскаго эклектизма, Стендаль, какъ одинъ изъ крайнихъ послѣдователей сенсуализма XVIII столѣтія, показался сухимъ и парадоксальнымъ. Въ сферѣ отвлеченной мысли Жоффруа и Кузонъ заняли мѣсто вышедшихъ изъ моды идеологовъ и энциклопедистовъ; въ искусствѣ струя умственной жизни круто повернула въ сторону, замѣнивъ строгій и точный анализъ психическихъ явленій и логику факта восторженной мечтательностью и метафизически-диалектическимъ празднословіемъ. Неудивительно поэтому, что Стендаль не могъ рассчитывать на особенный успѣхъ; онъ раздражалъ своимъ холоднымъ скептицизмомъ и ироніей, полнымъ здраваго смысла и строго-логическаго анализа, и показался анахронизмомъ бесполезнымъ и даже вреднымъ, мѣшавшимъ роскошному разцвѣту воображенія и мечтательности. Но ус-

тѣхъ положительнаго знанія и точной науки мало-по-малу ослабили вліяніе метафизики и вмѣстѣ съ Огюстомъ Контомъ, и вслѣдствіе тѣхъ-же причинъ, воскресаетъ и имя Стендаля около 1854 года.

Стендаль, какъ и Поль-Луи Курье, былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ, которые при началѣ реставраціи Бурбоновъ составляли литературную оппозицію: Курье въ политикѣ, Стендаль въ общемъ философскомъ направленіи эпохи. Опъ—крайній послѣдователь Гельвеція и идеологовъ. Сентъ-Бевъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что въ немъ существуютъ двѣ литературныя фазіоміи: онъ критикъ и беллетристъ. Беллетристъ развился въ немъ впоследствии и, такъ сказать, вслѣдствіе его критическихъ изслѣдованій. Какъ критикъ онъ играетъ огромную и вполне заслуженную роль въ исторіи французской литературы. Стендаль былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ и остроумнѣйшихъ защитниковъ возникавшаго романтизма; онъ чуть-ли не первый во Франціи указалъ на значеніе Шекспира; онъ первый расширилъ кругъ французской мысли, объединившей вслѣдствіе своей національной обособленности; онъ возбуждалъ необыкновенно сильно умственную энергію и, по справедливому замѣчанію Сентъ-Бева, заставлялъ французовъ выйти изъ того круга, академическаго и слышкомъ узко-французскаго, въ которомъ французы прозябали, благодаря мертвой, оффиціальной рутинѣ. Онъ былъ критикомъ не для публики, а для художниковъ и для самихъ критиковъ. Прилагая на практикѣ принципы Кондальки и Гельвеція, Стендаль старался отыскать въ общей гармоніи извѣстнаго явленія выдающійся тонъ, господствующій характеръ, изъ котораго вытекаютъ и отъ котораго зависятъ отдѣльныя черты. Оставляя общія, отвлеченныя опредѣленія, догматическіе принципы, онъ приходилъ къ апостеріорному мышленію, констатированіемъ фактовъ и группировкой ихъ въ законы. Отсюда—точное и мелочное изученіе тѣхъ условій, въ которыхъ находятся писатели и художники и отъ которыхъ зависятъ произведенія искусства. Къ этимъ условіямъ на первомъ планѣ, безспорно, принадлежатъ: социальное и политическое положеніе народа, общее направленіе эпохи, и затѣмъ—характеръ народа и расы. Но въ этихъ-ли самыхъ рамкахъ

выражается характеръ современной, научной критики, имѣющей подспорьемъ всю предшествующую работу точнаго знанія? Въ этомъ отношеніи Стендаль является настоящимъ основателемъ современной научной критики, хотя онъ и не систематизировалъ своихъ взглядовъ, а выражалъ ихъ по большей части вскользь и между прочимъ.

Характеристика Стендаля, какъ мыслителя и критика, сдѣланная Тэномъ, лучше всего объяснить этотъ оригинальный и глубокий умъ: «Существуетъ особенная система впечатлѣній и душевныхъ процессовъ для художника, вѣрующаго, музыканта, живописца, кочующаго, человѣка, живущаго въ обществѣ; для каждаго изъ нихъ логическая связь, сила, зависимость идей и душевныхъ волненій различны; каждый изъ нихъ имѣетъ свою нравственную исторію и свою особенную структуру съ извѣстнаго рода преобладающимъ предрасположеніемъ и господствующей чертой. Для того, чтобы объяснить каждаго изъ нихъ, нужно написать главу душевнаго анализа, а въ настоящее время этотъ трудъ едва-лишь начинается принимать опредѣленныя формы. Одинъ только человѣкъ, Стендаль, благодаря особенному складу ума и странному воспитанію, предпринялъ его, и еще теперь большинство читателей находятъ его книги парадоксальными и темными; его талантъ и его идеи опередили время; его великодушныя догадки, глубокія мысли, брошенныя мимоходомъ, удивительная точность его указаній и логика по были поняты; никто не замѣтилъ, что, подъ видомъ балагура и свѣтскаго человѣка, онъ объяснялъ запутаннѣйшіе нравственные процессы; что онъ указывалъ на главные пружины; что въ исторію сердца онъ вводилъ научные пріемы; что онъ первый указалъ на основныя причины, т. е. на національности, климаты и темпераменты,—словомъ, что съ чувствами онъ обращался такъ, какъ съ ними слѣдуетъ обращаться, т. е. какъ натуралистъ и фізіологъ, производя классификаціи и измѣряя силы. По причинѣ всего этого рѣшили, что онъ сухъ и эксцентриченъ, и онъ остался одинъ, писалъ романы, путешествія, замѣтки, для которыхъ желалъ и дѣйствительно пріобрѣталъ не болѣе двадцати читателей. И однако-же, только въ его книгахъ найдутся пока опыты,

наиболѣе способные проѣрять путь, который я старался указать здѣсь. Никто лучше его не умѣлъ заставить правильно смотрѣть сперва на окружающихъ людей и настоящую жизнь, потомъ на историческіе документы, читать между строкъ, видѣть подъ старою печатью, въ старомъ текстѣ—чувства, движенія идей, состояніе ума, при которыхъ текстъ этотъ былъ написанъ...» (H. Taine Histoire de la litterature anglaise, l'introduction).

Но живой темпераментъ Стендаля и его сильное воображеніе не могли ограничиться только абстракціей идей; ему понадобилась сфера болѣе конкретная и широкая,—сфера дѣйствительной жизни и живыхъ людей,—и отъ критики онъ перешелъ къ роману. По характеру своего ума и философскому міросозерцанію Стендаль былъ критикъ,—и только; другими словами, весь процессъ его мысли заключался въ строгомъ анализѣ, послѣ котораго являлись обобщеніе и выводъ. Поэтому и въ романѣ онъ остался критикомъ. Критика, такъ сказать, привела его къ роману, но и въ этой формѣ онъ остался прежнимъ ученикомъ Кондильяка и Гельвеція. Въ романѣ онъ внесъ и свои философскіе выводы, и свой насмѣшливый, ироническій скептицизмъ, и свои критическіе приемы. Въ противоположность настоящимъ художникамъ, Стендаль создавалъ своихъ героевъ изъ трехъ-четырехъ основныхъ идей. Стендаль, какъ идеологъ, изучаетъ только чувства, характеры, страсти,—однимъ словомъ, изучаетъ только психическую жизнь. Связь вѣшнихъ обстоятельствъ его не занимаетъ, его интересуетъ только внутренній міръ человека, механизмъ его мысли и чувства. Оттого-то онъ не рассказчикъ, а психологъ въ самомъ строгомъ значеніи этого слова. Въ этомъ отношеніи его романы,—даже для нашего времени,—составляютъ громадное собраніе матеріаловъ по психологій и требуютъ подробнаго, научнаго комментарія.

Стендаль, какъ и ученикъ его Тэнъ, ставятъ основнымъ принципомъ положеніе, что въ человѣкѣ, въ первый моментъ отправленія его умственной дѣятельности, существуютъ только образы и представленія предметовъ, т. е. все то, что онъ видитъ воображеніемъ, что существуетъ нѣкоторое

время, стирается и возвращается, когда онъ уже разсмотрѣлъ извѣстный ощущаемый предметъ. Это—матеріаль для всего остального, и развитіе этого матеріала можетъ быть двоякое: спекулятивное или практическое, смотря по тому, склоняются ли эти представленія къ общей концепціи или къ активному рѣшенію. Выходи изъ этого основнаго принципа, Стендаль строитъ характеръ своихъ дѣйствующихъ лицъ не однимъ лишь внѣшнимъ наблюденіемъ, но абстрактно, спекулятивно. Такъ въ «Rouge et Noir» построенъ характеръ Жюльена,—великолѣпнѣйшій образецъ психологической спекулятивности. Основнымъ свойствомъ ума Жюльена Стендаль беретъ гордость,—чрезвычайную, страстную, подозрительную, постоянно оскорбляемую, вѣчно возбужденную противъ другихъ, безжалостную къ самой себѣ, и, кромѣ того, живое и творческое воображеніе, т. е. способность при малѣйшемъ толчокѣ, при малѣйшемъ внѣшнемъ стимулѣ воспроизводить массы идей и погружаться въ нихъ. Отсюда, какъ неизбежный результатъ,—привычная сосредоточенность, постоянный возвратъ къ самому себѣ, постоянный анализъ самого себя, созданіе идеальнаго образа, называемаго имъ долгомъ, къ которому онъ постоянно себя приравниваетъ и на основаніи котораго себя судитъ. Но Жюльень въ то же время и выраженіе своей эпохи. Свой идеальный образецъ онъ не принимаетъ ни отъ кого, онъ все самъ создаетъ, и въ этомъ заключается причина его самобытности и силъ. Поставьте-же этотъ умъ въ тѣ условія жизни и обстоятельствъ, въ которыхъ Стендаль его ставитъ, и вы, не зная романа, можете угадать, въ чемъ будетъ заключаться его идеальный образецъ и какая роковая необходимость связываетъ въ одно цѣлое его поступки и вызываетъ его чувства. Легко отгадать, какой великолѣпный предлогъ представляетъ подобный характеръ для психическаго анализа, какія бури, взрывы страсти, какіе подвиги воли, какая цѣль успій, какіе порывы чувственности, какую массу идей и душевныхъ волненій, вызываемыхъ этимъ богатымъ воображеніемъ, въ соприкосновеніи съ внѣшнимъ міромъ, представляетъ собою Жюльень. Такой характеръ не только возможенъ и естественъ съ точки зрѣнія самаго строгаго искусства, но, кромѣ того, даетъ замѣй